
О.К. Землякова, В.В. Леонидов

«Я РЕШИЛ ОСТАТЬСЯ СВОБОДНЫМ ПИСАТЕЛЕМ...»:
О ПИСЬМАХ И.С. ШМЕЛЕВА Ю.А. КУТЫРИНОЙ (1923)

Она была необыкновенно красивая, яркая женщина. Певица, сказительница, радиоведущая, неутомимый организатор русских вечеров в Париже. Юлия Александровна Кутырина со всего мира получала письма от своих соотечественников, выброшенных из России после кровавых событий 1917–1920 гг. и Второй мировой войны.

Встречаются люди, которые помогают жить другим своим примером, своей неустанной деятельностью. Таких было много среди русской эмиграции, тех, кто не давал опускать руки собратям по изгнанию, кто все время работал и дарил окружающим надежду. Именно так и жила Юлия Александровна Кутырина (1891–1979).

Однако в историю русской литературы она вошла как хранительница и спасительница наследия великого русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева.

Юлия Александровна родилась в Москве в семье дворянина Александра Дмитриевича Кутырина, юриста, философа и Олимпиады Александровны Охтерлони, дочери генерала, героя Крымской войны. Предки ее были выходцами из Германии и Шотландии¹. Кутырина получила прекрасное образование, окончила с серебряной медалью Московский Екатерининский институт, была прекрасной пианисткой, ее ценил сам Рахманинов. Но для нас очень важно другое — Юлия Александровна была родной племянницей Ольги Александровны, жены Шмелева, кончину которой в 1936 г. Иван Сергеевич еле смог пережить. Сын Кутыриной, Ивистион Жантийом, стал для Шмелевых родным. «Ивушка» — ласково называл его Иван Сергеевич. Он заменил им сына, расстрелянного в Крыму в 1921 г. Много лет спустя Жантийом писал в своих воспоминаниях «Мой дядя Ваня»: «Они восприняли меня как дар Божий. Я занял в их жизни место Сережи»².

Отцом Ива был французский дипломат Андре Эдмонд Жантийом. Юлия Александровна вышла за него замуж и в 1918 г. уехала из революционного Петрограда в Париж. В 1920 г. у них родился сын, которого и называли Ивистион. Его крестным отцом стал Иван Сергеевич Шмелев.

¹ См.: Ни Е.А. Родственники Шмелевой О.А., урожденной Охтерлони // И.С. Шмелев и духовная культура православия: XI Крымские международные шмелевские чтения. Симферополь, 2003. С. 14–19.

² *Жантийом-Кутырин И.* Мой дядя Ваня. М., 2001. С. 11.

Вскоре родители Ива разошлись. Но Кутырина не сгибалась ни перед какими трудностями. Она сумела открыть модную мастерскую, а потом начала выступать на французском радио с русскими, украинскими и белорусскими сказами. Тогда же начались ее сольные вечера, посвященные русскому фольклору.

После смерти Ольги Александровны ее племянница и Ив стали, наверное, главной опорой в жизни Ивана Сергеевича. Кутырина вела переписку с издателями Шмелева, помогала ему во всем. А после кончины этого замечательного мастера прозы в 1950 г. Юлия Александровна создала в своей квартире его музей.

Умерла Юлия Александровна Кутырина в доме-приюте для престарелых в 1979 г.

Мы так подробно рассказываем об этой удивительной женщине, потому что она сыграла огромную роль в сохранении и спасении шмелевского наследия и издании его произведений. Кутырина вела неутомимую переписку с издателями, читателями, проводила литературные вечера и лотереи. И она же первая приступила к обработке огромного архива писателя.

Архив долго хранился в квартире Жантийома под Парижем, в городке Буадю-Руа. Там же находилось и множество документов, связанных с фантастической по своим масштабам деятельностью Кутыриной, в том числе и архив второго мужа, поэта Ивана Новгород-Северского, автора знаменитого гимна Белой армии «Пусть свищут пули, льется кровь...». «Певцом ледяной пустыни» называл его И.С. Шмелев.

Сам Ивистион Жантийом жил со своей женой Серенной Труси, итальянкой, влюбленной в русскую культуру, в городе Безансон на юге Франции. И именно там его в 1998 г. разыскала вице-президент Российского фонда культуры Елена

*Разрешение на въезд во Францию
И.С. и О.А. Шмелевым.
Берлин. 1923*

*Ю.А. Кутырина у бюста И.С. Шмелева.
Скульптор Л. Лузановская. Париж. 1950*

Николаевна Чавчавадзе. После долгих переговоров она убедила передать архив Шмелева в Россию, в Российский фонд культуры и дать согласие на перезахоронение останков писателя и его жены Ольги Александровны на кладбище Донского монастыря.

Елена Николаевна стала и главным организатором акций, связанных с возвращением памяти о Шмелеве в Россию.

Наверное, многие помнят майские дни 2000 г., перезахоронение и тот огромный резонанс, который это событие имело в истории новой России. Выступление патриарха Алексия II и президента Фонда культуры Н.С. Михалкова на церемонии в Донском монастыре, открытие бюста Шмелева работы Лидии Лузановской напротив Третьяковской галереи, большая научная конференция, телерепортажи по центральным каналам,

многочисленные статьи в газетах. Имя Ивана Сергеевича Шмелева мощно и полноправно вернулось в нашу культуру³.

Сегодня архив Ивана Сергеевича Шмелева, принадлежащий Российскому фонду культуры, находится на временном хранении в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Среди уникальных материалов шмелевского архива, рукописей, корректур и переписки наше внимание привлекли письма писателя, отправленные им Кутыриной в конце 1922 — 1923 г. Это был один из главных периодов в судьбе писателя. После всего пережитого в 1920–1922 гг. в Крыму и Москве они с женой получили разрешение выехать на лечение в Германию. Начиналась новая жизнь, жизнь в эмиграции. Правда, в самом начале Иван Сергеевич не имел четкого решения о выборе пути.

«Чувствую, что необходимо мне и жене моей отдохнуть и полечиться в условиях более благоприятных... чем Москва, где ютишься в сырой комнате, где не найдешь средств не только на лечение, но и на питание сносное.

Чувствую, что мне необходимо — душу свою собрать. Я буду хлопотать о разрешении мне и жене выезда за границу», — писал незадолго до отъезда Иван

³ См.: Замостьянов А., Шотова О., Чавчавадзе Е. Наш Иван Шмелев // Венок Шмелеву. М., 2001. С. 11–16.

Почтовая карточка И.С. Шмелева Ю.А. Кутыриной.
Грасс. 3 октября 1923

Сергеевич в Берлин главному редактору журнала «Новая русская книга» Александру Семеновичу Яценко⁴. Позади остались страшные годы в Алуште, Гражданская война, голод, террор и, главное, полное неведение о судьбе сына, сгинувшего в ЧК в Крыму. Иван Сергеевич и Ольга Александровна писали куда только можно, ходили на прием к разным представителям новой власти. Но в ответ не было ничего. Кто мог знать, что Сергей Шмелев вместе с другими офицерами, священниками и просто чиновниками был расстрелян в январе 1921 г.

Не успев приехать в Берлин, Шмелев сразу писал Кутыриной в Париж 1 декабря 1922 г.: «Случится ежели (а случится разве к весне) добраться до Парижа, хоть на день, на два да завернем, чтобы не растеряться. Но пока я не соберу денег, чтобы чувствовать себя на ногах, пока я не буду располагать хотя бы 5–6 тысячами франков, не выдвинусь из Берлина. Да и ехать в Париж зимой, глядеть в его в мусть и слякоть и притом еще платить за это унылое зрелище. Уж если видеть Париж — так в весеннем блеске, когда Ваши старые каштаны выкинут светло-фиолетовые свечи венчающейся весны, когда парижские голуби зашумят — заворкуют на мансардах! Когда весенний блеск заплещет — куда ни глянь, а на отсыревших щеках зимнюю озабоченность сменяют глянца солнечных поцелуев. Когда даже в перезвонах старого Нотр-Дама уловишь веселенькое весеннее лепетание столетий и парижские кошки будут бешено выводить по-французски ма-у-ра! И сигать по крышам, когда даже глупо расставившая свои ножищи башня Эйфеля может показаться наивной и по-весеннему навеселе, и даже консьержки-старухи вдруг по рассеянности приколуют к выцветшим волосам бантики, и даже инвалиды Великой войны заиграют на костылях — вот тогда мы увидим Париж и я прослушаю, не разучились ли Ваши энергичные ручки играть Шопена...»

Шмелев, конечно, оставался блистательным русским прозаиком в каждой строке. Но сквозь все пробивалась тоска и печаль. Мысли о сыне порою делали жизнь невыносимой: «Итак, я, может быть, попаду в Париж, потом увижу Гент, Отсенде, Брюгге — затем Италия на 1–2 месяца. И — Москва. Смерть в Москве, может быть — в Крыму. Уеду умирать туда. Туда, да. Там у нас есть маленькая дачка. Там мы расстались с нашим бесценным, с нашей жизнью. Так я любил его, так любил и потерял страшно. О, если бы чудо! Чуда, чуда хочу! Кошмар это, что я в Берлине. Зачем? Ночь, за окном дождь, огни плачут... Почему мы здесь и одни, совсем одни, Юля! Одни, пойми это, без цели, ненужные...»⁵

И сегодня, через девяносто лет, эти строки невозможно спокойно читать: «Мы в Берлине. Неведомо для чего. Бежал от своего горя. Тщетно... Мы с Олей разбиты душой и мыкаемся бесцельно... И даже впервые видимая заграница — не трогает... Мертвой душе свобода не нужна»⁶.

13 января 1923 г. Шмелевы шлют Кутыриной открытку: появилась надежда. «Получили сведения, что С.И. Шмелев находится в Индии, штабс-капитан, все

⁴ Цит. по: *Сорокина О.* Московянина. М., 2000. С. 115.

⁵ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Берлин — Париж. 18 ноября — 1 декабря 1922 г. // Российский фонд культуры (далее — РФК). Архив И.С. Шмелева. № 10350 (134).

⁶ Цит. по: *Кутырина Ю.* Трагедия Шмелева // Россия (Нью-Йорк). 1954. 26 июня. С. 2.

это подходяще, но года не указаны. Посылаем туда справку»⁷.

Но, как вспоминала сама Кутырина в своей статье много лет спустя, «все оказалось жуткой эксплуатацией чужого горя, гангстерство человеческой скорби. Ими внесена была довольно крупная сумма на справки...»⁸

Через несколько дней Шмелевы прибыли в Париж. В архиве сохранилось разрешение на въезд во Францию с 17 января 1923 г., которое выхлопотал для них И.А. Бунин⁹. Газета «Последние новости» так приветствовала писателя: «На днях приезжает Иван Сергеевич в Париж. Читатели знают автора знаменитого “Человека из ресторана”, большого и своеобразного таланта, плоть от плоти и кость от кости России, чувствующего Россию всеми фибрами»¹⁰.

Ю.А. Кутырина в русском народном costume.
Париж. 1938

По прибытии Иван Сергеевич и Ольга Александровна остановились в небольшой квартирке Кутыриной на улице Шевер, 12. Они заняли одну комнатку, окна которой выходили на Дворец инвалидов. Там, где похоронен Наполеон.

В марте Шмелевы получили письмо от одного из редакторов берлинской газеты «Руль», И.В. Гессена, которое практически ставило страшную точку в их беспрепятственных поисках сына: «Доктор Кипин, ссылаясь на помещенное в “Руле” объявление о розыске С. Шмелева, сообщил, что ему доподлинно известно, что С. Шмелев, с которым он вместе сидел в ЧК в Феодосии, расстрелян в последних числах ноября там же, в Феодосии. В их партии находилось 450 человек. Кроме того, во всех подробностях, т. е. о последних минутах С. Шмелева, ему сообщила хорошая знакомая С. Шмелева — Мария Васильевна Терчукова, сестра Красного Креста, оставшаяся в Феодосии»¹¹.

В июне Шмелевы переехали на дачу, в гости к Буниным, которые сняли дом в Грассе, в 34 километрах от Ниццы. Иван Сергеевич к тому времени начал работу над «Солнцем мертвых» — книгой, где, по словам А.И. Солженицына, «такая

⁷ О.А. Шмелева — Ю.А. Кутыриной. Открытое письмо. Берлин — Париж. 23 января 1923 г. // РФК. Архив И.С. Шмелева. № 10350 (133).

⁸ Кутырина Ю.А. Трагедия Шмелева. С. 2.

⁹ Разрешение на въезд во Францию И.С. Шмелеву // РФК. Архив Шмелева. № 10350 (1).

¹⁰ Цит. по: Кутырина Ю.А. Трагедия Шмелева. С. 3.

¹¹ И.В. Гессен — И.С. Шмелеву. Берлин — Париж. 14 марта 1923 г. // РФК. Архив И.С. Шмелева. № 10350 (415).

правда, что и художеством не назовешь... В русской литературе первое по времени настоящее свидетельство о большевизме... Страшной этой книги — есть ли в русской литературе?»¹²

Главы из «Солнца мертвых» стали появляться на страницах русской эмигрантской печати: в альманахе «Окно» и газетах «Звено» и «За свободу»¹³. Шмелеву потоком шли письма от потрясенных русских и иностранных читателей. Вот что снова писал Шмелеву И.В. Гессен 9 июля 1923 г.: «Несомненно, “Солнце мертвых” есть самый крупный литературный памятник переживаемой эпохи и самый внушительный урок всем эти молодым господам, которые пытаются, с одной стороны, криком, с другой стороны — нелепыми вывертами отразить сущность катастрофы»¹⁴.

Жизнь на берегу моря, среди гор, теплое отношение Ивана Алексеевича Бунина и его жены Веры Николаевны постепенно оказали свое воздействие на Ивана Сергеевича и Ольгу Александровну. И хотя находили на писателя приступы отчаяния, он все больше возвращался к жизни.

12 июня писатель пишет Кутыриной: «Мне уже совестно, я тебя засыпал поручениями, но больше не буду. Ей-Богу, не буду!

Могут понадобиться книги, детские.

Сегодня встал в 5 утра и прошел 7 километров. Соловьи, ручьи, запахи цветов... солнце, сигналы на трубе... планы рассказов. Но сегодня пишу 12 письмо!»¹⁵

В письмах Шмелева появляется все больше новых, веселых интонаций, мало для него характерных. Вот еще одно письмо Кутыриной, от 20 августа: «Милая Юла Ивановна!..

А что ты одеваться думаешь — это очень хорошо, ибо тебе давно пора “кутить”. И если б мы были богаты и счастливы, то купили бы авто и выезжали бы в Булонь, ты бы сидела в этакой шляпе, Ивун в этакой, и все бы спрашивали: это не американцы? И ты бы сошла за богатую американку...

Ах, ты, ворона! Конечно. Надо уметь кокетничать, бантики, ленточки, башмачки, глазки, и все такое. Для игры души. Чтобы шум дошел до Праги, надо сделаться на четверть француженкой, на четверть полькой, на остальные — русско-англичанкой. И больше ничего. Вот тебе мои советы опытного знатока женщин, флирта — одним словом, “знатока души”.

Ну, заболтался. Пойду, выпью мара — дрянь, но крепкая, ибо на джин и виски денег пока нет. А красное надоело. Запиваю от тоски»¹⁶.

Интересно, что впервые за долгое время этот текст написан на пишущей машинке. Писатель снова входил в прежнюю колею.

¹² Солженицын А.И. Иван Шмелев и его «Солнце мертвых» // Венок Шмелеву. М., 2001. С. 46.

¹³ Шмелев И.С. Солнце мертвых // Окно. 1923. № 2, 3; Утро: (Из книги «Солнце мертвых») // Звено. 1923. 9 апр.; Волчье логово: (Из книги «Солнце мертвых») // Там же. 4 июня; Человечий голос: (Из книги «Солнце мертвых») // Там же. 23 июля; Утро: (Из книги «Солнце мертвых») // За свободу. 1923. 18 апр.

¹⁴ И.В. Гессен — И.С. Шмелеву. Берлин — Париж. 9 июня 1923 г. // РФК. Архив И.С. Шмелева. № 10350 (418).

¹⁵ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 12 июня 1923 г. // Там же. № 10350 (140 а).

¹⁶ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 20 авг. 1923 г. // Там же. № 10350 (134).

Тем временем в Париж приезжает известный издатель, в прошлом — революционер, бежавший с Туруханской каторги, Николай Семенович Ангарский (Клестов). Впоследствии он стал одним из главных прототипов «Театрального романа» М.А. Булгакова. Именно благодаря поручительству Ангарского Шмелевы сумели выехать за границу.

22 июня Иван Сергеевич послал ему большое письмо, где отказывался от гонорара в советских изданиях: «Я не могу брать по какому-то непреодолимому чувству, не по капризу. Теперь, когда я знаю, что у меня отняли и убили сына, я не могу принять даже доброго слова от той власти, именем которой столько ужасного совершено». Иван Сергеевич практически предупредил Ангарского о своем нежелании возвращаться: «Вы признаете, что, может быть, я нарушил формальное доверие, но не в силах был поступить иначе... Здесь, в иной обстановке, я еще могу, не напрягая воли, что-то писать, чем-то обманывать себя. Там жить у меня не хватит сил душевных»¹⁷.

Но Ангарский не оставляет попыток встретиться со Шмелевым. И тогда Иван Сергеевич снова пишет Кутыриной 22 августа. Он категорически не желает нового свидания с гостем из СССР. Это письмо Кутыриной очень многое значило в жизни писателя. Шмелев подтвердил свое твердое намерение жить вне России: «У меня к тебе большая просьба. Ты переслала мне письмо-пневматик от Ник. Сем. Ангарского. Он мне пишет: хотелось бы повидаться. Зайдите... Я не хочу ему отвечать. Сделай так. Пошли ему пневматик, указав, что если он хочет что-нибудь сообщить о родных дяди Вани, он может зайти к тебе, но не указывая в письме своего адреса. ...Скажи ему, что он может говорить совершенно свободно с тобой, так как я тебе все доверяю. А что я живу на юге, лечусь и работаю. Узнай от него, как дело с его поручительством, меня это очень мучает. Я надеюсь, чтоб ему не было особых неприятностей. Я решил остаться свободным писателем, чего

Ю.А. Кутырина. Париж. 1920

¹⁷ Цит. по: Иван Шмелев: Долгий путь домой: 1950–2000. М., 2000. С. 13.

в России нельзя получить... Скажи, что я по-прежнему признателен ему за все, что видел от него доброго, и надеюсь, что моим родным не придется потерпеть от правительства за мое поведение»¹⁸.

Однако Ивану Сергеевичу, конечно, не давала покоя сложившаяся ситуация, и на следующий день, 24 августа, он шлет Кутыриной еще более откровенное письмо: «В дополнение ко всему прошу тебя никак не стесняться с моей просьбой, и если ты найдешь ненужным видеть у себя Николая Семеновича — не приглашай. Может быть, даже так и лучше... Может быть, лучше кратко в письме, не обозначая своего адреса, сообщи от имени племянницы — и только — что мой дядя с июня живет на юге, переезжая с места на место. Не хочу, чтобы он и адрес мой знал, а то будет меня письмами тревожить и укорять еще...»

Если получишь от него сборник «Недра» — запрети в шкафу. Посылать мне его не надо. Я и думать-то о нем не хочу. Дал я в Москве для его сборника «Это было» в первой редакции, ткнул ему в глотку как бы взятку за его поручительство, и думать больше не хочу»¹⁹.

Речь идет о публикации в 1923 г. в издававшемся Н.С. Ангарским альманахе «Недра» повести «Это было» — фантазмагории, происходящей в сумасшедшем доме²⁰. Тогда Шмелева, как и в течение нескольких последующих лет, еще печатали в СССР.

Теперь понятно, что резкие слова Ивана Сергеевича можно объяснить тем, что ему уже не надо было играть в сотрудничество с новой властью, которую он ненавидел яростно, всеми силами души. И Ангарский (а ему Шмелев, конечно, оказался более чем обязан, в том числе и публикацией на родине этого почти откровенно антибольшевистского произведения и выездом из СССР) тоже означал для него в той или иной степени ту сатанинскую силу, которая поглотила Россию и его единственного сына.

В этом же письме впервые Шмелев с раздражением упоминает о слухах вокруг его имени, которые начинают возникать в эмигрантской среде: «А демократкам ничего не говори. Они, гляди, небось и так уж радостно сообщают о моих политических взглядах, т. е. что я юдофоб, монархист, националист и прочее»²¹. Впоследствии писателю немало пришлось страдать от подобных обвинений. Его восхищение старой Россией, старым укладом, страной церковью и малинового звона не всем приходилось по душе.

Через несколько дней, 26 августа, он шлет Кутыриной новое письмо. Оно звучит как набатный колокол. Судя по тексту, Юлия Александровна с сыном собралась уезжать на время в СССР. И Шмелев предостерегает ее: «Там уже совсем нет хлеба духовного, ибо уже нет былой русской общественности, культурности, интеллигентности в незатрепанном смысле. Там — или крыса, выцарапывающаяся из помоек,

¹⁸ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 22 авг. 1923 г. // РФК. Архив И.С. Шмелева. № 10350 (135).

¹⁹ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 24 авг. 1923 г. // Там же. № 10350 (136).

²⁰ Шмелев И.С. Это было // Недра: Литературно-художественный сборник. М., 1923. № 1. С. 99–151.

²¹ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 24 авг. 1923 г. // РФК. Архив И.С. Шмелева. № 10350 (136).

или наездник лихой, или лисица, или волк, или собака — пес. Там же ведь нет воздуха, одна гнусная советская правда. Там люди перестали быть, там — влачатся...

По-моему, лучше временно быть без России, чем в ней жить с затынутым ртом, с заплеванной душой и со связанными руками, питая даже признательность за то, что тебя терпят и дают хлеба, пока ты ходишь с покорной головой»²².

Отъезд не состоялся. Через некоторое время, 2 сентября, Шмелев шлет Кутыриной новое послание. Он был в ярости, что его стали причислять к публицистам: «Я знаю, что я пишу! ...Я знаю. Публицистика — это Вересаев, у которого всегда была публицистика и будет, попади она хоть на луну. А знаю я их. Зелен виноград! Раз про них, то ты тут хоть ошекспишься, отолстовься — все будет публицистика! Они лирику, пафос с публицистикой мешают! Ну да они “Бесов” Достоевского не могут переварить. Я писал и пишу с великим трудом и болью. О современном. Но это не значит, что я рассуждаю. Я могу негодовать, я могу скорбеть, я могу все, но только не рассуждать спокойно, как делает публицистика! Им важно меня залучить в яму! Знаю! Они боятся!»²³

И снова и снова продолжает звенеть боль о сыне, о своем Сереже: «Я согласился бы за все мои книги получить кусок земли в Грассе, пятьсот сажен и хибарку. Я бросил бы писать, а стал бы копать землю и не думать. Если бы я мог получить мальчика моего, я бы все отдал и пошел бы ходить босой по земле и нигде не имел бы крова. А тут подлая жизнь ставит какие-то пестрые заманки, пустоцвет и пустпорожнь»²⁴.

9 сентября — последнее послание из Грасса. До этого Иван Сергеевич известил Юлию Александровну, что они с Ольгой Александровной приезжают в Париж поездом 6 октября в 9 утра.

Шмелев по-детски радуется полученному переводу на французский его «Солнца мертвых», сделанному Анри Монго и опубликованному в журнале «Меркюр де Франс» 15 сентября 1923 г.: «Сам Господь Бог не мог бы перевести лучше, если б родился французом и прожил года в России. ...Ново для меня — читать себя по-французски, как будто меня одели у лучшего парижского портного и я каким-то чудом стал говорить на языке Гюго и Рабле, пахнет от меня фиалками и вот-вот примусь горделиво говорить — мы, французы. Но сие, конечно, на миг один, ибо я весь из калужского теста и люблю запах антоновки, ржи, рябины и по-московски а-каю»²⁵.

Это был первый год изгнания. Впереди предстояли и слава, и трагедии, и неустанная работа. И вечная благодарность Юлии Александровне за то, что она сберегла для нас наследие одного из самых пронзительных писателей, когда-либо творивших на русском языке.

²² И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 26 авг. 1923 г. // РФК. Архив И.С. Шмелева. № 10350 (137).

²³ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 2 сент. 1923 г. // Там же. № 10350 (138).

²⁴ Там же.

²⁵ И.С. Шмелев — Ю.А. Кутыриной. Грасс — Париж. 9 сент. 1923 г. // Там же. № 10350 (139).